

6. Daum, Andreas & Mauch, Christof, eds. 2009. Berlin-Washington. 1800-2000. Capital Cities, Cultural Representations, and National Identities (Cambridge University Press: NY). P.4.
7. Henderson, Vernon. 2005. Urban Primacy, External Costs and Quality of Life. Resource and Energy Economics, vol. 24, issues 1-2, 95-106.
8. Girouard M. (1985). Cities and People. New Haven: Yale University Press.
9. Rossman, Vadim. In Search of the Fourth Rome: Visions of a New Russian Capital City. Slav-icReview, vol. 72, № 3, 2013.
10. Henderson, Vernon, 2003. The Urbanization Process and Economic Growth: The So-What Question. Journal of Economic Growth, Springer, vol. 8(1), pages 47-71, March.
11. Zimmerman, Horst. 2010. Do Different Types of capital cities make a difference for economic dynamism? Environment and Planning C: Government and Policy, vol. 28, pp. 761-767.
12. Overman, H.G., Venables, A. Cities in the Developing World. CEP Discussion Papers, 2000.

Сциентистская парадигма: особенности становления и развития

Худолей С.С.

Университет машиностроения
(499) 267-16-40, Philpsy2010@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются условия формирования и исторической эволюции сциентистских идей, особенность места и роли науки на разных этапах социального процесса, значение для сциентизма современных научных достижений.

Ключевые слова: философия, сциентизм, позитивизм, наука, естествознание, религия, история, техника, культура, общество

Особенность сциентизма как философской и мировоззренческой парадигмы состоит в абсолютизации значения научных, прежде всего естественнонаучных достижений, а также в признании приоритета науки по отношению к другим социокультурным теориям и практикам.

Именно поэтому сциентистскому мировоззрению исторически присуща установка на такие свойства науки, как точность, объективность, доказательность, причем применимость этих свойств предполагается как в традиционной для них сфере наук о природе, так и в других областях, в том числе в социально-гуманитарной.

Для этого обстоятельства имеются веские культурные, общественно-исторические и философские причины. Некоторые из них являются предметом краткого рассмотрения в данной статье.

Выдающиеся достижения науки и открытия эпохи Возрождения, а затем и Нового времени сделали возможной эпоху Просвещения, причем не только в фактическом и историческом отношении, но и идейно - в мировоззренческом и философском плане. В свою очередь особенности времени и культуры XVIII века еще более усилили роль научных тенденций, наблюдаемых в обществе ныне и получивших в условиях современности особенное развитие и значение.

Эти тенденции можно определить как сциентистские, так как связаны они оказались со становлением, распространением и влиянием научных знаний. Наука теперь воспринимается в качестве образца, безусловного ориентира и единственно верного критерия понимания происходящих процессов в разных областях жизни общества, в том числе непосредственно не опирающихся на точное знание, математику и даже далёких от традиционно научных исследований.

Аналогичные идеи в прошлом тоже имели место – это в полной мере относится и к идеям философским, которые связаны прежде всего с изучением феномена науки и ее ведущей роли в культуре.

Так, английский философ Ф. Бэкон оказался одним из первых, кто в ранний период Но-

вого времени рассматривал естественные науки как пример для эффективной философии, а использование достижений и методов естествознания, предполагал он, поможет наконец самой философии стать научной.

Такая смена парадигм, по мнению английского мыслителя, способна обеспечить достижение реальных новых знаний, качественно отличных от выводов схоластических философских систем прошлого, и в связи с этим достичь аргументированных, подлинно научных результатов.

В этом отношении показательна критика Бэконом философских методов Аристотеля, критика непродуктивной, по мнению Бэкона, дедукции, которая, как он считал, несостоятельна в качестве метода для подлинно научных открытий. Подобные открытия и достижения в философии станут возможны в случае использования новой философией научных методов естественных наук.

С другой стороны, и это особенно показательно для рассматриваемой проблемы, сама философия задолго до Нового времени формировалась как сциентистски ориентированное знание, обусловленное стремлением познать «божественную истину», высшую, единственную и окончательную.

Так, сциентистское мировоззрение с самого начала философской истории оказалось имплицитно присуще самой античной философии. Идея исключительно научного смысла и цели философских исследований присутствовала в представлениях первых мыслителей в качестве неотъемлемой задачи их деятельности.

Стремление к завершенному, последнему в своей истине знанию, высшей мудрости, характерное для начальных веков философии, стало идейным аналогом того, что в настоящее время понимается как сциентизм.

В то же время в истории философии, в развитии сциентистских тенденций были и другие времена, прямо противоположные в оценке значения науки в культуре и истории общества, в определении влияния естествознания на философию.

Так, в средние века сциентистские мотивы, напротив, перестают быть не только актуальными, но и интересными для философии: вера надолго заняла господствующее положение. В таких исторических обстоятельствах человеческие знания, в том числе научные и философские, могли пониматься как только вторичные, преходящие и всегда далекие от истины.

Религиозные воззрения, наоборот, становятся единственными, способными ориентировать людей во всех областях их жизни и деятельности, в частности в философских исследованиях, в определении истинности научных выводов. Любое утверждение науки, логичное и рациональное, оказывалось недостаточным само по себе и было значимо исключительно в том отношении, в каком находило соответствие строгой религиозной догме.

Именно поэтому ненаучные представления о сверхъестественном, иррациональном и чудесном были вполне способны приниматься как истинные и реалистичные. Подобное понимание всецело соответствовало и основывалось на текстах Священного Писания, экспликации их содержания вне зависимости от объективно данной человеку действительности.

Более того, следует признать, что такая особенность по-своему последовательна и логична, так как исходит, как сказано ранее, из идеи признания безусловной вечной истинности утверждений веры и всегда неизбежной искаженности и относительности выводов знания.

Подобная интерпретация качества веры и знания, их соотношения, религиозного объяснения и научного понимания находит оригинальную реализацию, отразившуюся, например, в доказательствах бытия Бога.

Интересно отметить, что, несмотря на предполагаемое наличие безусловной, даже фанатичной веры, свойственной обществу и культуре того времени, теология и философия средних веков тем не менее находили необходимым поиск доказательств существования Бога, приводили многочисленные аргументы, которые логично предположить излишними для и без того глубоко и искренне верующих людей.

Они (доказательства Божественного бытия) представляются на современный взгляд даже избыточными и бесполезными, так как их задачей является доказать то, что и без них признается в качестве абсолютно истинного в вечном и высшем универсальном смысле, как само собою разумеющегося и очевидно ясного.

Более того, парадоксальность средневекового религиозно-философского дискурса с точки зрения современной научной сциентистской рациональности состоит в том, что приводимые доказательства множественны и разнообразны. Казалось бы, данный факт уже должен был породить сомнения в их правдоподобности: зачем доказывать и объяснять во втором и третьем и т.д. вариантах то, что уже доказано в первом?

Ещё один интересный аспект подобного рода привнесения сциентистской составляющей в чужеродное ей религиозное русло заключается в противоречии цели доказательства и объекта доказательства, то есть – Бога.

Ведь, будучи «доказанным», Бог перестает быть иррациональным, сверхъестественным, трансцендентным объектом, превышающим всякие возможности постижения человеческим разумом, в том числе научные.

Иными словами, в случае удавшегося, успешного доказательства и как бы торжества сциентистских идей в антисциентистскую эпоху трансцендентность Бога перестала бы быть актуальной. То есть достижение подобного результата, по сути, противоречило поставленной задаче – «теоретически доказанный» Бог понижается до уровня аналога рационально изучаемого естественного объекта. Его статус не отличен от статуса материальной природы, которая вполне доступна традиционным исследованиям научными средствами, выработанными человечеством.

Отмеченные парадоксы и противоречия тем не менее чрезвычайно показательны с точки зрения рассматриваемой проблемы исторического развития сциентизма: даже в условиях пребывания науки на втором плане и её зависимого от веры положения, разум человеческий все же остается ориентированным на рациональный поиск доказанного, объясненного и понятного мироздания.

Данный феномен, таким образом, остается актуальным даже в те времена, когда, казалось бы, господствовали кардинально иные ценностные установки, и на совершенно другие нормы ориентирована культура, и где достаточным признавалось следование только вере в идеалы и утверждения церкви, и, наоборот, под сомнение и критику ставилась достоверность научных, противостоящих вере достижений и выводов.

Исторически сциентистское мировоззрение вновь актуализируется во времена, когда наука постепенно освобождается от религиозного диктата и всё более становится если не до конца самостоятельной, то все-таки отдельной, относительно независимой инстанцией. И чем далее, тем более интенсивнее и эффективнее этот процесс продолжает развиваться в направлении усиления научных тенденций.

Эпоха Возрождения постепенно возобновляет актуальность общественного статуса науки, возрождая и усиливая сциентистское влияние, ориентируя культуру и философию на ценности античности.

Такой переориентации способствовали, в частности, великие достижения в изучении природы, сделанные Коперником, Галилеем, Кеплером и другими выдающимися учеными, революционные открытия которых всё более значимым делали авторитет естествознания, повышая роль и значение науки.

Подобные культурно-социальные процессы не только в глобальном плане, но и в мировоззренческом отношении содействовали формированию новаторских тенденций. В их числе и те, что в новую историческую эпоху закладывали основания для формирования и развития идеологии будущего сциентизма.

Ещё более усиливаются указанные тенденции в философии Нового времени в эпоху, когда особо актуализируется значение не только научных исследований самих по себе, то есть их интерналистская составляющая, но и главное – экстерналистская, другими словами,

социальные потребности и возможности технического, а впоследствии производственного, промышленного, хозяйственно-экономического применения научных достижений.

Такие общественные процессы продолжают поднимать и усиливать авторитет науки, способствуют признанию её исключительного места и значения в культуре общества и истории человечества в целом.

Наконец, XVIII столетие – эпоха Просвещения впервые в современной истории после античности рассматривает научное знание, в первую очередь естествознание в качестве фундаментального основания для понимания не только природных, но и общественно-исторических процессов, для понимания логики функционирования общества. Отсюда делаются выводы о возможности определения универсальных источников развития истории, ее прошлого и перспектив в будущем.

Мыслителей Просвещения, по сути, можно считать основателями современной сциентистски ориентированной традиции. Именно в их представлении науке подвластно решение любой проблемы, и если не сегодня, то в будущем наука окажется способна ответить на все вопросы, интересующие человека.

Причем подобная оптимистическая оценка должна относиться не только к области исследования природных явлений или к техническим проблемам, но и к сфере истории, экономики, политики, социальной жизни вообще.

Что это, как не по-сциентистски сформулированная парадигма, позитивно говорящая о возможности решения не только социальных, политических и культурных вопросов, актуальных для человечества, но и вопросов, которые рационально объяснили бы историю народов Земли, современность и грядущее?!

На эти вопросы философия искала ответы на протяжении всего своего существования, начиная с античности, но давала ответы всегда разные, не имеющие единственных аргументов и окончательных доказательств, всегда зависимые от культуры, мировоззрения и времени жизни того или иного мыслителя.

Отсюда последовательным и понятным оказывается следующий шаг в развитии сциентистской тенденции – позитивистская философия XIX века.

Популярная и влиятельная философия позитивизма зародилась в середине XIX века как следствие эффективного прогресса естественных наук.

Достижения естествознания были настолько революционны и плодотворны, что казалось вполне логичным и возможным использовать методы и полученные результаты наук о природе для объяснения проблем наук об обществе, для понимания истоков и цели общественного бытия.

Позитивистской философии вполне реальным представлялся перенос идей, методов и теорий, например, физики или биологии, а также получаемых в них выводов, в сферу гуманитарных исследований, в первую очередь социальных и исторических. Законы общественного прогресса предполагались в качестве точно так же доказательно изучаемых и познаваемых, как и природные законы.

На этом основании делался следующий шаг – сциентистский в полном смысле этого слова: политику, право, мораль, религию, то есть различные стороны общественно-исторической действительности, возможно столь же аргументированно и объективно объяснять, как это способны делать в своих областях физика или химия, математика или биология.

Один из основоположников позитивистской парадигмы французский философ О.Конт предполагал, что «социальная физика» должна стать реальностью – наукой об обществе, социологией, для которой в отличие от социальной философии окажется возможным столь же авторитетно обосновывать свои исследования истории общества и его современного состояния, как это делает физика, успешно изучающая природу.

Так, к примеру, согласно О. Конту, человечество, универсально развиваясь, непременно проходит три периода, два из которых связаны с верой – вначале религиозной, затем метафизической, и только в завершающем третьем историческом периоде общество способно

вступить в высшую – научную эпоху.

Специфика научной эпохи, по Конту, состоит в том, что, живя в обществе, верить в какие-либо социальные ценности и руководствоваться ими перестает быть необходимым, так как место веры и культурной традиции начинает занимать научная точность, расчет, доказательство, то есть то, что в наибольшей степени свойственно современному сциентизму.

Таким образом, в обществе в соответствии с выводами классического позитивизма начинают господствовать новые ценностные ориентиры: наука и базовые фундаментальные знания, которые способны давать ответы не только на естественно-научные вопросы, как это традиционно считалось прежде, но и на любые вопросы вообще и прежде всего в сфере социальной действительности.

По сути, как сциентистски ориентированная формировалась, развивалась и практически реализовывалась в XX веке марксистская философия.

Законы общественного развития, универсально и абсолютно объясняются марксизмом как научные выводы. Материалистическое понимание истории, этапы социально-исторического прогресса, их последовательность и безальтернативность, иерархия сфер жизни общества, детерминированная неизбежность единственного варианта будущего человечества – всё это предполагается не только в качестве окончательно доказанного, строго научного объяснения истории и ее закономерностей, но и фундаментального основания сознательных и эффективных революционных преобразований.

Марксистская философия по-сциентистски определяет себя как единственно научную философию, которая способна дать такое же научное руководство социальной практике: познание закономерностей общественного процесса – необходимое условие успешного прогресса в исторической реальности.

Следует также отметить, что развитию и обоснованию сциентистского мировоззрения способствуют как научные открытия, так и технические достижения, особенно сделанные в нынешнее время, в условиях XX – XXI веков, всесторонне и эффективно реализуемые в практической жизни. Актуализация сциентистской парадигмы в современной философии и культуре также обусловлена и усиливается популярностью таких социокультурных феноменов, как материализм, рационализм, атеизм, прагматизм.

Для сциентизма в современном обществе благодатную почву обеспечивает не только наука и ее бурное развитие сами по себе, но и очевидные положительные общественно-экономические следствия этих процессов. Внедрение достижений научно-технического прогресса в повседневную действительность – производственную, космическую, военную, медицинскую, информационную, коммуникационную, и даже бытовую, способствует актуализации сциентистского восприятия и оценок происходящего в различных областях социальной реальности.

Литература

1. Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А. Становление новой философско-методологической парадигмы современной науки в условиях информационного общества. М., 2012.
2. Ивлев В.Ю., Ивлева М.Л., Иноземцев В.А.: Когнитивная революция как фактор становления новой эпистемологической парадигмы и методологии исследования знания в современной науке. Известия МГТУ «МАМИ» №1 (15), 2013, т. 6. с. 90-99.
3. Худолей С.С., Матисов С.К. Философия техники для будущих инженеров // Материалы 77-й международной конференции ААИ «Автомобиле- и тракторостроение в России: приоритеты развития и подготовка кадров» (27-28 марта 2012 г.). – М.: МГТУ «МАМИ», 2012.
4. Худолей С.С., Матисов С.К. Особенности изучения философии и социологии студентами технических специальностей (статья)// Известия МГТУ «МАМИ» Научный рецензируемый журнал. – М., МГТУ «МАМИ», № 1 (15), 2013, т. 6.